

Школа Бывальского

Пётр БЫВАЛЬСКИЙ, педагог

Всем ветрам назло

Учителям приходится жить в двойном мире: в Зеркале — школа, а в Зазеркалье — собственные чада. Наблюдая за ними, я с горечью вижу, как отечественное образование сдаёт бастион за бастионом. Мы всегда гордились тем, что наши дети знают больше, чем ученики любой европейской или американской школы, и вдруг выяснилось, что добросовестное воспроизведение устаревших знаний не нужно никому. Но мы настойчиво продолжаем идти прежним путём, размножая новые дисциплины, на ходу придумывая их почасовые планы. И хотя мировой опыт показывает, что важнее научить ребёнка самостоятельно добывать знания и умело пользоваться уже приобретёнными, мы продолжаем бездумно копировать формы обучения, не вникая в содержание нововведений.

Наука изощряет ум; ученье вострит память.

Наверное, у каждого педагога рано или поздно наступает момент истины. Это произошло и со мной. В одночасье я осознал, что учителю в лучшем случае удаётся добиться от учеников понимания некоторых аспектов своего предмета, в худшем — он ставит оценку за пересказ параграфа из учебника или за шаблонное решение задачи. Оценки уже давно перестали быть мотивом к обучению: для тех кто действительно интересуется изучаемым предметом, важнее найти возможность полнее удовлетворить свою страсть за пределами класса — в учреждениях дополнительного образования. Ну а кому предмет не интересен и не нужен, совершенно не реагируют на увещания педагогов и постоянные двойки. Для части же учащихся, выучивающих урок только затем, чтобы забыть его после контрольной работы, хорошие отметки — дань предмету, имя которому конформизм.

И всё же российское образование остаётся единственным островком стабильности в обществе. Мало кто не окажет доверия пусть не школе в целом, но конкретному учителю, а в его лице — всей нашей гильдии. Наверное, поэтому именно школе в признание её заслуг пытаются сегодня навязать работу с неблагополучными семьями. Учителю всегда приходилось участвовать в судьбе «трудных» учеников, разбираться в их отношениях с родителями, инспекциями по делам несовершеннолетних и дворовыми компаниями. Но если ещё несколько лет назад речь могла идти о 5 рублях, проигранных дворовому авторитету, то сегодня и деньги, и дела гораздо серьёзнее, и «тянут» не на одну статью Уголовного кодекса. Не буду задавать риторический вопрос о том, как учителям, в подавляющем большинстве женщинам, справиться с этим? Я помню, как погибла в Польше одна из моих коллег, поехавшая туда по обмену с группой учеников. На её детей «наехала» местная банда, и эта хрупкая женщина, не задумываясь, встала на их защиту и погибла.

Недоплачивая учителям зарплату, местные власти давно уже косвенно покушаются на их жизнь. Взваливая всю «социалку» на плечи школы, они делают эту угрозу более ощутимой и прямой. В очередной раз власть снимает с себя ответственность за решение проблемы и перекладывает её на тех, у кого для этого явно недостаточно сил и возможностей.

Но можно ли школе сегодня отказаться от задачи облагородить окружающую среду, создать более чистый и духовный мир на своей территории? Мы привыкли к тому, что школа должна готовить к жизни. Теперь придётся озаботиться тем, как подготовить жизнь для своих учеников.

Вытапливай воск, но сохраняй мёд.

Есть три возможных варианта отношения к этой проблеме:

- смириться и наблюдать, как школа тонет в негативном окружении;
- создать островок духовности и культуры внутри образовательного учреждения;
- распространять влияние школы, чистоту и духовность учителей и учащихся на ближайшее окружение.

Занять вторую и третью позиции — означает ответить на вызов времени. Возможно, это менее актуально в крупных городах, но, безусловно, важно на селе, где школа остаётся единственным и главным очагом культуры.

Сегодня даже лучшие ученики сельских школ редко могут уехать учиться в город. Это дорого, а подчас и опасно, да и уровень знаний не всегда позволяет. Они остаются работать в деревне. Может быть, для того, чтобы они не спились от безысходности, и нужна сельская школа — очаг культуры. Её лучшие ученики — это надежда русской деревни на сохранение и развитие. Получится ли? В двадцатые годы С.Т. Щацкому это удалось. Его школа в Калужской области стала центром культурного земледелия для всех окрестных крестьян. Правда, надо признать, что на его опытной станции были в основном дети городские, и привёз он их в село, чтобы воспитывать «аристократов с мозолистыми руками», но чем же деревенские дети хуже? Мы опять дожили до того времени, когда, только школа, сплотив вокруг себя лучших учеников, сможет изменить жизнь деревни, а может быть, и всей России.

Гроздь гнева

У нас не принято ругать советское прошлое и даже модно его слегка идеализировать. Знакомая моей матери рассказывала о том, как училась в послевоенные годы в одной школе с детьми партийной элиты. Она была девочкой из обыкновенной семьи, но ей повезло жить в центре Москвы. Конечно же, «золотую молодёжь» привозили на машинах. Одноклассников не покидало ощущение, что эти дети приезжали из другого мира. У партийной элиты в то время были не только закрытые спецраспределители и спецбольницы, но и даже спецкладбища. Открытой в этой системе оставалась, пожалуй, только школа. Здесь соприкасался мир высших партийных и государственных чиновников с миром пролетариата и рабочей интеллигенции.

И в этом была определённая мудрость. Именно в общеобразовательных школах «золотая молодёжь» проходила курс социализации. Кому-то из них это помогло не отсиживаться за спинами родителей, а строить свою жизнь самостоятельно, иногда — в отличном от родительского ключе. Да и сановные родители таким вот хождением детей в народ демонстрировали свою социальную справедливость. Известна, например, история о том, как сын Сталина Василий погряз в двойках. Учителя уже готовились к самому худшему, но вождь одобрил их, похвалив за принципиальную строгость.

Что есть лучшего? — Сравнив прошедшее, свести его с настоящим.

Сейчас же в России всё происходит с точностью до наоборот. Совершенно очевидно, что наша система образования стала сословной. Под лицемерные заявления о стремлении сохранить бесплатную систему образования сложилось две школы: одна для имущих, считающих себя элитой общества, а другая для неимущих. Для имущих — престижные элитарные школы, получившие статус лицеев и гимназий. И это даже не частные школы, о которых надо говорить особо, а внешне обычные муниципальные, куда ребёнок с улицы не попадёт никогда. В этих школах собраны лучшие учителя, есть компьютерные классы, гуманные воспитательные системы, авторские курсы, индивидуализированное обучение, международные контакты, а в результате — стопроцентное поступление в вузы для продолжения образования. Возникновение таких школ вполне закономерно, такой и должна быть вся система образования, но «пряников сладких, увы, не хватает на всех». Дело не в том, что дети имущих глупы, а неимущих умны. Это наивная сказка. Очень часто бывает как раз наоборот, и хорошие учителя, техническая оснащённость и дух школы способствуют развитию и воспитанию действительно умных детей из обеспеченных, интеллигентных семей.

Намного острее стоит проблема школ для неимущих — тех, что уже принято называть массовой школой. В крупных городах они быстро превращаются в «камеры хранения» для детей несостоятельных родителей, которые чаще всего обеспокоены лишь тем, чтобы дети были живы и не совершили преступления.

Учителя в этих школах не видят не только компьютеров, но и элементарных технических средств. Главный инструмент в обучении — мел и тряпка. Старшие классы в таких школах немногочисленны, и мало кто из старшеклассников продолжает образование, да и настроя на это нет.

Так реально в нашей стране сложились «два мира — два детства». Эта ситуация печальна, страны, через неё прошедшие, понимают, к каким серьёзным социальным катаклизмам она может привести. Сотни тысяч необученных, малообразованных, способных лишь к тяжёлому труду за минимальную оплату молодых людей не могут не пойти войной на своих сверстников, получивших хорошее образование и стартовый капитал. Так по своей сути социальная, сегрегационная система образования может привести, если не к гибели цивилизации, то, по меньшей мере, к очень серьёзной проблеме. В Америке давно это осознали и основное внимание в образовании и в социальном обеспечении уделяют незащищённым слоям населения. На школы для детей иммигрантов выделяется львиная доля государственных средств. Это не от доброты и гуманности, а из трезвого расчёта — сохранить социальный мир в обществе. Причём в США уже настолько «перегнули палку» в приоритетности социальной поддержки незащищённых слоёв, что юноше из обычной семьи стало трудно найти работу.

Начало ясного дня смело уподоблю рождению невинного младенца: быть может первый не обойдётся без дождя, а жизнь второго — без слёз.

У нас, конечно же, ничего подобного нет. Пока единственное наше достижение — изменение отношения к детям с болезнями, ограничивающими их возможности. Мы уже не загоняем их в домашние гетто. Но к детям вынужденных переселенцев и детям из бедных семей часть общества, которой повезло больше, относится с плохо скрываемым презрением. Складывается парадоксальная ситуация: организуется множество обществ, помогающих детям-инвалидам, и практически нет серьёзно финансируемых общественных или государственных организаций, озабоченных социальной адаптацией и реабилитацией детей из малообеспеченных и неблагополучных семей. На этих детях уже поставили клеймо людей второго сорта. Виден и результат такой селекции: не отягощённый образованием и моральными принципами «молодняк» хочет сладко есть, мягко спать и ездить на иномарках. Причём всё это молодые люди хотят сразу и сейчас. Получить желаемое законным путём не могут. Единственный выход — исход в криминальные структуры. Не наступит ли вскоре неприятный для всех нас момент, когда клише «бандитский город», «бандитская страна» перестанут быть только клише, а станут повседневной реальностью?

Можно складно рассуждать о российской духовности и мировом значении русской культуры, можно горько причитать о том, как стремительно мы всё это теряем, — и ничего при этом не делать. Можно расточать словеса о престижности нашего образования и не замечать, как значительная часть населения утрачивает умение писать и читать. Но честнее будет сразу решить, на кого мы будем сваливать гибель России, как государства и культурного образования. Рим был разрушен варварами, но римляне не плодили их в собственных школах.

Школьная дедовщина

Моя знакомая провела год в Германии. Там её сын пошёл в школу. С первого дня она почувствовала доброжелательное внимание к новичку. Родители других детей при первой же встрече завели с ней разговор и вежливо расспросили о том, откуда они приехали и долго ли будут жить в их городе. Словом, состоялось приятное необременительное знакомство. Дети

приняли новичка очень дружелюбно, и даже пресловутый языковой барьер не стал серьёзным препятствием к добрым отношениям. К тому же, благодаря своему открытому характеру русский мальчик вскоре стал любимцем всего класса.

Тем очевиднее был контраст при возвращении в Россию. Мальчишке устроили подлинное чистилище. В какой-то момент в его травлю включился весь класс. Учителя как будто ничего не замечали, и только вмешательство разгневанной мамы изменило ситуацию. Выясняя причину всеобщего отторжения сына, мама услышала очень характерную фразу: «Он не такой как все, и это нам не нравится». Его непохожесть не была вызывающей, но любого проявления индивидуальности наше общество не прощает. Нас никто не учит быть искренними и естественными, часто мы либо закрыты и отчуждены, либо бездумно выкладываем малознакомому человеку всю нашу подноготную.

Не уступай малодушно всеобщим желаниям, если они противны твоим собственным; но лучше, хваля оные притворно, норови надуть своих противников.

В такой позиции трудно найти плюсы, а вот минусы очевидны. Хотим мы этого или нет, но подобный тип взаимоотношений определяет очень многое в нашем обществе. В том числе пренебрежение не только к человеческой индивидуальности, но и к человеческой жизни. Самое страшное и необъяснимое это то, что наших мальчиков убивают не только на войне. Потери в невоюющей армии сегодня сопоставимы с военными. У этих потерь есть давно знакомое нам имя — дедовщина. Это явление варварски заявляет о себе беспредельным, никакими законами не регламентируемым правом старших (более сильных и сбитых в стаю) распоряжаться силами, временем и даже жизнью младших (менее сильных и менее сплочённых). Корни дедовщины, несомненно, лежат в криминальных сообществах, где до подобострастия уважается сила, и где рядовые бойцы для своих боссов становятся пушечным мясом. Дедовщина регулирует отношения в нашем обществе гораздо эффективнее, чем, скажем, уголовный кодекс, потому что наказание в случае самой небольшой провинности не только неотвратимо, но несоизмеримо по своей жестокости с проступком. Главная и конечная цель — уничтожить личность, стереть индивидуальность и превратить человека в исполнительное жестокое животное.

Вырастая из криминальной среды, вместе с криминализацией всего общества дедовщина занимает всё новые и новые бастионы. Всё явственней расцветает она и в школе, превращающейся в огромный рынок, на котором можно купить всё: от контрольной работы по любому предмету до разной силы наркотика. Всё больше учащихся вовлекается в сферу криминального бизнеса, для которого характерны разборки, рэкет и «включение счётчика» по действительным и воображаемым долгам.

Отыщи всему начало, и ты многое поймёшь.

Не секрет, что отцы-командиры в армейских подразделениях заинтересованы в дедовщине. Она обеспечивает, по крайней мере, внешний порядок и поддерживается негласным договором: «Вы — деды, следите за порядком, а я — офицер — не буду замечать, как вы его добиваетесь».

У учителей такой заинтересованности нет. Поэтому иногда они начинают непримиримую борьбу, устанавливая тоталитарный режим в школе. И это тоже трудно признать выходом из сложившейся ситуации. Дело в том, что в результате такого прессинга территория детства в школе сужается до пресловутых туалетов для мальчиков и девочек. И чем больше прессинг, чем больше из школьных коридоров вытесняется просочившаяся с улицы жизнь, тем жутче она в этих самых туалетах. Врывающиеся туда время от времени учителя обнаруживают то замызганные от многократного применения одноразовые шприцы, то использованные презервативы. Как бы там ни было, все запретительные меры не срабатывают.

Конечно же, кардинальное решение проблемы дедовщины надо начинать с социальных корней, но кое-что можно делать уже сегодня. В школе появились психологи, главная задача

которых поддерживать положительные тенденции развития школьного коллектива. В стенах школы должно появиться особое пространство детства — своеобразные комнаты психологической разгрузки, в которые учитель не будет врываться, но сможет приходить по приглашению учеников. Конечно же, это предполагает и другой уровень отношений между учителями и их воспитанниками. К сожалению, чтобы они сложились, нужен не один год.